

Пробация: теоретические и прикладные проблемы

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Реферат

Введение: в статье рассматриваются теоретические и практические проблемы реализации probation (на примере исполнительной и постпенитенциарной). Со вступлением в силу федерального закона «О probation в Российской Федерации», которым предусмотрен целый комплекс функций по ресоциализации осужденных (как пенальной, так и постпенальной), отнесенных к компетенции как государственных органов и учреждений, так и органов местного самоуправления, а также негосударственных организаций, общественных и религиозных объединений, возникает ряд вопросов теоретического и практического характера. Примером может служить правовая регламентация создания и функционирования центров probation. *Цель:* на основе исследования сущности, правовой природы, социальной обусловленности probation выявить проблемы ее регламентации и осуществления, выработать способы их решения. Исследование основано на диалектическом подходе к изучению социальных процессов и явлений. В нем использовались традиционные для наук уголовного права и криминологии *методы:* анализ и синтез, сравнительно-правовой, ретроспективный, формально-юридический, логический, компаративный. Применялись и частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* выявляются доктринальные истоки концепции probation как важного последующего за карательным воздействием этапа приспособления осужденного к жизни в обществе, обозначаемого в федеральном законе «О probation в Российской Федерации» как ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация. Анализируются сущность, правовая и социальная природа probation, зарубежный опыт в этой сфере, дается ее определение. Делается вывод, что отечественная модель probation отличается от большинства зарубежных аналогов тем, что в ее основе лежит принцип добровольности и практически отсутствуют принудительные средства обеспечения исполнения. Особое внимание уделяется анализу реальных функций, осуществляемых в рамках probation. Проблема носит универсальный характер и, безусловно, требует своего решения, в том числе для понимания правовой и социальной природы рассматриваемой меры. Отмечается проблема неопределенности статуса probation, поскольку, с одной стороны, ее применение относится к компетенции уголовно-исполнительной системы, а с другой – в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве нет не только регламентации, но даже упоминания probation. В статье утверждается, что при использовании зарубежного опыта применения probation необходимо учитывать особенности российских общественных отношений, охватываемых сферой probation. *Выводы:* на основе изученного автором опыта осуществления probation (прежде всего, исполнительной и постпенитенциарной) в ряде регионов России (Ханты-Мансийский автономный округ, Московская, Саратовская, Свердловская области) выявлен ряд проблем, большинство из которых связано с неправильным пониманием (искажением) первоначального смысла, заложенного в законе о probation, вследствие чего создаются препятствия для эффективной реализации программ содействия лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, функционирования центров probation. В ряде принимаемых подзаконных нормативных правовых актов по сути вся ответственность за низкие показатели probation возлагается на субъектов probation (прежде всего, сотрудников уголовно-исполнительных инспекций) без предоставления им соответствующих полномочий и объективной возможности исправить ситуацию. Часть проблем связана с недостатками правовой регламентации данного института. В статье предлагаются варианты решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: probation; ресоциализация; социальная адаптация; социальная реабилитация; уголовно-исполнительные инспекции.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дворянсков И. В. Пробация: теоретические и прикладные проблемы // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 2 (74). С. 162–170. doi 10.46741/2713-2811.2026.74.2.006.

Probation: Theoretical and Applied Problems

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia
diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Abstract

Introduction: the article discusses theoretical and practical problems of implementing probation (case study of executive and post-penitentiary). With the entry into force of the federal law “On probation in the Russian Federation”, which provides for a whole range of functions for the re-socialization of convicts (both penitentiary and post-penitentiary), attributed to the competence of state bodies and institutions, local governments, non-governmental organizations, public and religious associations, a number of theoretical and practical issues arise. An example is the legal regulation of the establishment and operation of probation centers. *Purpose:* based on the study of the essence, legal nature, and social conditionality of probation, to identify problems of its regulation and implementation and to develop ways to solve them. The research is based on a dialectical approach to the study of social processes and phenomena. *Methods:* analysis and synthesis, comparative law, retrospective, formal law, logical, comparative, a legal-dogmatic method and a method of interpreting legal norms. *Results:* the author identifies doctrinal origins of the probation concept as an important subsequent stage of the convict’s adaptation to life in society, fixed in the federal law “On probation in the Russian Federation” as resocialization, social adaptation and social rehabilitation. The essence, legal and social nature of probation is analyzed, foreign experience in this field is considered, and its definition is given. It is concluded that the domestic model of probation differs from most foreign analogues in that it is based on the principle of voluntariness and there are practically no compulsory means of enforcement. Special attention is paid to the analysis of the actual functions performed within the framework of probation. The problem is universal and, of course, requires a solution, including for understanding the legal and social nature of the measure under consideration. The problem of an uncertain status of probation is noted, since, on the one hand, its application falls within the competence of the penal system, and on the other hand, there is not only regulation, but even mention of probation in criminal and penal legislation. The author argues that when using foreign experience in the application of probation, it is necessary to take into account the specifics of Russian public relations covered by the field of probation. *Conclusions:* based on the experience of probation (primarily executive and post-penitentiary) studied by the author in a number of regions of Russia (Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Moscow, Saratov, and Sverdlovsk oblasts), a number of problems are identified, most of which are related to the misunderstanding (distortion) of the original meaning laid down in the probation law. Hence, there are obstacles for the effective implementation of assistance programs for people in difficult situations and the functioning of probation centers. In a number of subordinate regulatory legal acts adopted, in fact, all responsibility for low probation rates is assigned to probation subjects (primarily employees of criminal executive inspections) without providing them with the appropriate authority and an objective opportunity to correct the situation. Some of the problems are related to shortcomings of the legal regulation of this institution. The article offers solutions to these problems.

Keywords: probation; re-socialization; social adaptation; social rehabilitation; criminal executive inspections.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Dvoryanskov I.V. Probation: theoretical and applied problems. *Penitentiary Science*, 2026, vol. 20, no. 2 (74), pp. 162–170. doi 10.46741/2713-2811.2026.74.2.006.

В уголовно-правовой политике ряда зарубежных стран со второй половины XX в. наметилась тенденция декриминализации и депенализации в процессе поиска методов борьбы с преступностью. Речь в данном случае идет об альтернативах наказанию и уголовному преследованию. В этой связи получила развитие система пробации [1, с. 15].

Следует сказать, что пробация и наказание являются хотя и смежными, но разными институтами по

своей правовой природе, целям и задачам. Наказание представляет собой крайнюю форму реагирования государства на наиболее опасные формы человеческого поведения – совершение преступлений. Сущностью наказания выступает кара за содеянное. Кроме того, в зависимости от политических и социальных условий перед наказанием могут ставиться различные цели. В настоящее время, согласно ст. 43 УК РФ, это восстановление социальной справедливости.

ности, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений. Однако, полагаем, что фактическая, но скрытая (фантомная) цель наказания – возмездие за содеянное, генетически связанная с древним принципом талиона. Именно этим, по нашему мнению, обусловлена формулировка принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), постулирующего необходимость соответствия наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Дополнительно исходя из возможностей механизма наказания как меры реагирования на криминал можно констатировать достижение целей публичного порицания преступления и защиту человека, общества, государства, а также наиболее важных социальных благ. В отличие от охраны, предполагающей принятие предварительных мер, защита предусматривает реагирование на факт посягательства, что соответствует природе наказания как ретроактивной меры.

Пробация, в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О пробации в Российской Федерации», не является наказанием либо иной мерой уголовно-правового характера, в ее рамках не реализуется уголовная ответственность. В отличие от наказания, она выступает последующим этапом, имеющим задачи: гуманизации уголовной политики, обеспечения возможности разрешения конфликта, вызванного преступлением, без применения карательных средств, возмещения причиненного вреда, примирения с потерпевшим, оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, в том числе путем психологического сопровождения, консультирования по социально-правовым вопросам, оказания содействия в восстановлении социальных связей, трудоустройстве, получении общего и профессионального образования, медицинской и иной помощи и т. п.

Таким образом, пробация представляет собой некарательную форму нейтрализации причин и последствий совершения преступления, дающую возможность лицам, совершившим преступления, не представляющим высокой общественной опасности, доказать желание и способность к законопослушной жизни без стигматизации (получения фактически пожизненного статуса судимого лица с существенными ограничениями в социальной жизни, трудоустройстве и прочих сферах) и неизбежной личностной деформации, вызываемой наказанием.

Зарубежный опыт однозначно свидетельствует о том, что пробация не может выступать универсальным институтом и подменять собой наказания и иные формы реализации уголовной ответственности. Вместе с тем данный институт имеет определенные различия в ряде стран, что очевидно, поскольку каждое государство при разработке соответствующей системы учитывает собственный исторический опыт, социальный менталитет, особенности преступности и т. п.

Внедрение системы пробации выступает одним из направлений гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики в нашей стране. Хотя это внедрение проходило непросто и поэтапно [2, с. 115–117].

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года созданию и развитию системы пробации посвящен разд. XVI. В частности, в нем отмечается, что отбывание уголовного наказания в условиях изоляции от общества влечет ослабление, а нередко полный разрыв социальных связей, потерю навыков жизни в обществе, что влияет на формирование дезадаптивной направленности в поведении и, как следствие, на совершение повторных преступлений. В связи с этим возникла необходимость в создании системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов и механизмов оказания всесторонней помощи подозреваемым, обвиняемым, осужденным и лицам, освобожденным от отбывания наказания, а также обеспечения преемственности при ведении социальной, воспитательной и психологической работы на различных этапах пребывания подозреваемого, обвиняемого и осужденного в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Правовой базой деятельности учреждений, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, в сфере пробации стал федеральный закон «О пробации в Российской Федерации». Согласно ст. 2 данного закона правовую основу регулирования общественных отношений в сфере пробации составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, данный федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и иных федеральных органов исполнительной власти, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, содержащие нормы, регулирующие отношения в сфере реализации прав осужденных и лиц, отбывших уголовные наказания.

Период действия этого института в нашей стране хотя пока и небольшой (исполнительная и пенитенциарная пробация – с 1 января 2024 г., а постпенитенциарная – с 1 января 2025 г.), однако уже успел выявить комплекс проблем как теоретического, так и практического характера.

В первую очередь следует обратить внимание на название данной меры. В научной литературе оно уже вызвало резкую критику от полного отрицания до весьма конструктивных предложений. Остановимся на последних.

В. Г. Громов и С. В. Шошин отмечают размытость границ определения пробации. По сути, пробация должна применяться в отношении всех лиц, которым за совершенные преступления вынесен обвинительный приговор суда. При этом неважно, назначено ли им наказание в виде обязательных работ или пожизненное лишение свободы, избраны ли иные меры

уголовно-правового характера (судебный штраф, конфискация имущества или принудительные меры медицинского характера); под действие probation подпадают также все освобождающиеся из мест лишения свободы и исправительных центров.

Сравнивая определения ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, предложенные в ст. 5 федерального закона «О probation в Российской Федерации», становится понятным, что принципиальной разницы между ними нет. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно оставить термин «ресоциализация» и применять его в широком смысле ко всем категориям «пробируемых» [3].

В. Г. Громов и Д. К. Аксенова отмечают, что в законе фиксируется, что probation – совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц (п. 1 ч. 1 ст. 5). Но в документе не уточняется, какой характер носит этот комплекс мер: контрольный, исправительный, воспитательный, социально-правовой. Невозможно рассматривать социальную адаптацию, ресоциализацию и любой другой комплекс мер в отношении осужденного без элементов воспитательного воздействия и целей исправления осужденного [4].

И. И. Бирюков указывает на серьезные недостатки федерального закона о probation. По его мнению, в законе используются разнопорядковые понятия, которые дублируют или поглощают друг друга (имеется в виду ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация) [5].

Л. Л. Малкова полагает, что probation не встроена в единую систему помощи и профилактики, есть пробелы в полномочиях субъектов и методическом обеспечении. При этом отмечает, что представляется возможным ассоциировать ее с типом службы probation, основанном на модели реабилитации/общественной защиты, поскольку в ее основе лежат социально-реабилитационные цели и основным системообразующими принципами являются принципы преемственности, непрерывности, добровольности при применении probation [6].

По мнению П. В. Голодова, традиционное понимание probation, сложившееся в законодательной практике многих зарубежных стран, несколько отличается от предлагаемого в российском законе о probation, что, в свою очередь, сказывается на содержании предмета его регулирования. Суть probation, отмечает он, видимо имея в виду зарубежные аналоги, состоит в принудительном надзоре со стороны специальных органов за поведением осужденного и выполнением обязанностей, возложенных на него судом, коррекции его поведения, содействию в социальной адаптации и предупреждении совершения им повторных преступлений. В рамках probation применение социально-реабилитационных и

исправительных мер должно осуществляться наряду с возложением на лицо, в отношении которого применяется probation, определенного набора правовых запретов, ограничений и обязанностей, контролируемых со стороны специализированного государственного органа. В противном случае probation теряет свое правовое содержание и становится инструментом социальной помощи лицам, отбывшим уголовное наказание. Probation, реализуемая в отрыве от уголовно-исполнительной деятельности, должна составлять предмет деятельности не уголовно-исполнительных инспекций, а специально создаваемых подразделений государственных социальных служб и общественных организаций (например, упомянутых в законе центров probation) [7].

Все приведенные позиции имеют под собой основание. Думается, что основная проблема состоит в несоответствии наименования, используемого для обозначения традиционно применяемой за рубежом модели probation как меры, сочетающей социальную поддержку с элементами контроля и принуждения.

В отечественной модели, основанной на добровольности, главным аспектом выступает оказание содействия (помощи) осужденным/освобожденным, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Целями probation, согласно закону, являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется probation, предупреждение совершения ими новых преступлений.

В такой конфигурации мера, обозначаемая как probation, в действительности таковой, видимо, не является. За рубежом термин «probation», как правило, связан с испытанием и надзором. В отличие от условного тюремного заключения, когда суд назначает срок лишения свободы, а затем откладывает его исполнение на определенный период, в случае назначения probation само вынесение приговора откладывается на период probation. Речь, в данном случае, идет о так называемой досудебной probation, которая представляет собой альтернативу уголовному преследованию. Именно она, по нашему мнению, дает максимальный эффект социальной адаптации, поскольку исключает негативное десоциализирующее воздействие наказания. Будучи изначально в законопроекте о probation, данная форма впоследствии, к сожалению, из него исчезла. Если не соблюдаются установленные условия, дело переходит в стадию вынесения приговора за первоначальное преступление. Термин probation упоминается также в другом значении – как институт, сопровождающий условное лишение свободы или отсрочку вынесенного приговора. Очевидно, что ничего подобного в федеральном законе «О probation в Российской Федерации» нет.

Далее следует отметить, что за рубежом правонарушитель, в отношении которого вынесен приказ о probation, обычно подвергается определенному надзору со стороны сотрудника службы probation в течение установленного срока. Такой вид probation распространен во многих странах Западной Европы. В США probation может также сочетаться со мно-

жеством ограничений, например с комендантским часом, и иными мерами. При этом модели с низким уровнем контроля или отсутствием такового практически повсеместно показали меньшую эффективность. Чтобы преодолеть кризис этой меры, на правонарушителей стали возлагаться более жесткие и обременительные обязательства. В рамках так называемого интенсивного пробационного надзора правонарушители, помимо выполнения работ, находятся под более строгим контролем со стороны сотрудника службы пробации [8, с. 37–38].

В России принята модель пробации, основанная на принципе добровольности, что автоматически исключает принудительные механизмы ее реализации. С одной стороны, добровольность решает сразу две взаимосвязанные задачи. Во-первых, исключает принудительный характер пробации, что принципиально отличает ее от наказания и иных уголовно-правовых мер, сопряженных с реализацией уголовной ответственности. Во-вторых, закладывает важный и действенный механизм исполнимости пробационных процедур, поскольку их исполнение инициирует сам осужденный/лицо, отбывшее наказание, что, по сути, делает бессмысленным возможное его несогласие с их проведением [9, с. 182].

С другой стороны, исходя из лексического значения, пробация означает испытание, исследование, что, видимо, должно влечь за собой некие контрольные, а значит, и властные полномочия со стороны субъектов пробации.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 федерального закона «О пробации в Российской Федерации» пробация предполагает только создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина. Полагаем, что термин «пробация» к данному комплексу мер применяется некорректно. Более правильно было бы говорить о помощи осужденным и лицам, освобожденным от наказания, в трудной жизненной ситуации и содействии в решении ими насущных проблем. Данные процедуры могли бы быть обозначены термином «*содействие в получении социальной помощи осужденным и лицам, освобожденным от наказания*». Если же учитывать конечный результат, то можно назвать такую систему мер *социальной реинтеграцией*, имея в виду приспособление лица, совершившего преступление и понесшего уголовную ответственность к последующей жизни в обществе. Кстати, ровно сто лет назад именно такую цель ставил УК РСФСР 1926 г. применительно к таким лицам, правда, имея в виду наказание. Если цитировать дословно: «приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся» (п. «в» ст. 9).

Обратимся к практическим проблемам, которые выявила практика применения федерального закона «О пробации в Российской Федерации», а также приказов Минюста России от 29.11.2023 № 350 (ред. от 22.01.2026) «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (вместе с «Порядком исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации», «Порядком осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы», «Порядком оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве», «Критериями и методикой оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Порядком подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Индивидуальной программой ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации»)» (далее – приказ № 350); от 16.09.2024 № 278 «Об утверждении правил организации деятельности центров пробации».

Первая проблема состоит в том, что уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) ФСИН России не только выступают основными субъектами реализации пробации, но и несут ответственность за количественные показатели лиц, обратившихся за помощью. Это прямо вытекает из требований подзаконных актов ФСИН России, утверждающих формы статистической отчетности по пробации (в частности, «Результаты деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в сфере пробации» и «Сведения о деятельности уголовно-исполнительных инспекций»), а также инструкции по ее заполнению и представлению. Согласно этим документам для оценки деятельности инспекций вводятся такие показатели, как «численность лиц на начало отчетного года, в отношении которых применяется пробация», «численность лиц, состоящих на учете УИИ в отчетном периоде, и к которым может применяться пробация», «численность лиц, обратившихся с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в отчетном периоде» (с разбивкой на показатели: «в отношении которых проводится оценка индивидуальной нуждаемости», «в отношении которых принято решение о нецелесообразности оказания содействия», в отношении которых принято решение о целесообразности оказания содействия (из них – в отношении которых составлена индивидуальная программа)); «численность лиц, состоявших на учете УИИ, в отношении которых применялась пробация в отчетном периоде (с разбивкой на показатели: «ранее привлекавшихся к уголовной ответственности», «лиц

без гражданства», «иностранных граждан», «женщин», «достигших 18-летнего возраста в отчетном периоде», «в отношении которых после ознакомления с индивидуальной программой возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления»); «общее количество видов индивидуальной нужды, в соответствии с которыми составлена индивидуальная программа». Следует упомянуть в этой связи о распоряжении ФСИН России от 30.01.2025 № 7, утвердившем перечень критериев (показателей), характеризующих эффективность служебной деятельности территориальных органов, и способов их определения по направлениям деятельности Управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФСИН России. В нем содержится аналогичный подход к оценке деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Так, по линии исполнительной пробации предписывается учитывать среди прочих такие показатели, как:

– доля лиц, состоявших на учете, которым оказано содействие в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, от общей численности лиц указанной категории, признанных нуждающимися в оказании такого воздействия, %;

– доля лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления, от общей численности лиц, состоявших на учете, в отношении которых применялась пробация, %.

По линии постпенитенциарной пробации ведется статистика по ряду схожих показателей, в том числе таких, как:

– доля лиц, которым оказано содействие в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, от общей численности лиц указанной категории, признанных нуждающимися в оказании такого воздействия, %;

– доля лиц, в отношении которых после составления индивидуальной программы в рамках применения постпенитенциарной пробации возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления, от общей численности лиц, состоявших на учете, в отношении которых применялась пробация, %.

В самих этих показателях нет ничего плохого. Они помогают анализировать реально складывающуюся ситуацию в данной сфере, прогнозировать ее развитие, в том числе планировать объемы нагрузки, а соответственно, штатной численности, финансирования, иных ресурсов.

Однако данные показатели используются именно для оценки эффективности такой деятельности с последующими выводами о поощрении и взыскании в отношении ее сотрудников, то есть происходит оценка деятельности конкретных сотрудников, в том числе и негативная, при том что никаких законных механизмов повлиять на эту статистику у них нет, что обусловлено добровольностью пробации.

Отечественной и зарубежной наукой давно установлено, что природа преступности носит социально обусловленный характер, то есть зависит от комплекса объективных факторов внешней среды, на которые не могут повлиять сотрудники инспекции,

исполняющие функции по осуществлению пробации. К. Маркс, Ф. Энгельс в своих трудах подчеркивали социальный характер преступности. В. И. Ленин писал, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Среди зарубежных криминологов, отстаивающих концепцию социального детерминизма, следует назвать Э. Дюркгейма, Э. Сатерленда, Э. Лемерта, Г. Беккера и др. [10, с. 102–115, 172–182]

В отечественной науке большинство специалистов также исходят из социального объяснения причин преступности. Как отмечает в этой связи В. В. Антонченко, ученые давно выражают скепсис относительно достижимости декларируемых целей наказания [11].

Отечественные исследователи справедливо указывают, что причинность никогда не реализуется в изолированном виде, освобожденном от присутствия других форм связи. Она всегда переплетена с ними и, по существу, только в абстракции может быть отделена от них [12].

В криминологических исследованиях обозначено достаточно много различных факторов большей или меньшей степени общности, расположенных на разных уровнях социальной организации общества. Анализ этих факторов и их классификация указывают на то, что не все из них могут быть отнесены к числу причин и условий, способствующих совершению преступлений, или их сочетанию [13].

Думается, что нельзя оценивать эффективность деятельности по параметрам, которые не зависят от ее реализации, а, напротив, являются ее основаниями. С учетом уже проанализированной специфики отечественной модели пробации, основанной на принципе добровольности, непонятно, каким образом инспектор уголовной инспекции может повлиять, скажем, на количество лиц, обратившихся с заявлением об оказании содействия, тем более с разбивкой на категории. Опрос практических работников показал, что данные требования приводят к ситуациям, когда сотрудники вынуждены не просто разъяснять осужденным или освобожденным от наказания право на обращение с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации в отчетном периоде, но и фактически уговаривать их сделать такое обращение, а в последующем нести ответственность за каждый их шаг, в особенности – противоправный. И это при том, что никаких средств воздействия, регулирования их поведения у них нет (кроме, собственно, прекращения самой пробации и то после предупреждения), в отличие от зарубежных аналогов, о чем уже говорилось выше.

Очевидно, что наличие таких показателей снижает эффективность деятельности по осуществлению пробации, препятствует реализации самой ее идеи. Из меры профилактики рецидива и социального доверия и реинтеграции в отношении лиц, совершивших преступление, она при таком подходе приводит к поощрению их иждивенчества, чувства безнаказанности, даже внутренней правоты. Из клиентов пробации они фактически превращаются в хозяев положения, имеющих возможность манипулировать представителями государственной власти, ухудшать

их положение одним лишь волеизъявлением. Полагаем, что надо менять показатели с количества осужденных, задержанных в пробации, на показатели рецидива в определенный период после окончания программы. Таким образом, следует исходить из подлинного предназначения анализируемой меры.

К описанной проблеме примыкает еще одна, заключающаяся в том, что инициатива изменения условий или отказа от пробации фактически принадлежит лицу, которому оказывается содействие. Изучение практики работы уголовно-исполнительных инспекций показало, что лицо, обратившееся за помощью в разрешении трудной жизненной ситуации и согласившееся на реализацию подготовленной программы пробации впоследствии выходит с инициативой изменения условий и мероприятий данной программы либо отмены пробации. Для этого ему надо написать заявление об отказе или просто не выполнять условия пробации, чтобы она была отменена решением полномочного субъекта.

Так, согласно п. 26 (1) приказа № 350 лицо, в отношении которого принято решение о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, в период отбывания наказания в виде лишения свободы или принудительных работ имеет право отказаться от такого содействия посредством обращения в администрацию исправительного учреждения с заявлением.

В рамках исполнительной и постпенитенциарной пробации фактически действует по умолчанию пассивный способ отказа (бездействие лица). Хотя на практике встречаются случаи направления заявлений о желании прекратить пробацию или изменить ее условия (что равносильно первому). Это, в частности, имеет и нормативную основу. Так, согласно ч. 2 ст. 21 федерального закона «О пробации в Российской Федерации» лицо, в отношении которого применяется постпенитенциарная пробация, имеет право от нее отказаться в письменной форме. Соответствующая информация отражается в едином реестре лиц, в отношении которых применяется пробация. Заметим, что в отношении исполнительной пробации такого основания прекращения не регламентируется. Формально это находится в логике принципа добровольности. Однако при этом практически сводит на нет усилия сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, лишает их гарантии закрепить полученные результаты, ставит осуществление пробации исключительно в зависимость от воли лица, в отношении которого она проводится.

Во всех этих случаях ответственность за несостоявшуюся пробацию возлагается на сотрудников как «не справившихся со своими обязанностями по разъяснению прав и условий пробации, а также по контролю за ее осуществлением». Считаем в этой связи необходимым исключить безусловное право отказа от пробации, оставив только одно основание – разрешение трудной жизненной ситуации и прекращение нужды в помощи (содействии), что должно быть подтверждено письменным заявлением лица, в отношении которого применяется пробация.

Следующая проблема вытекает уже не из правоприменительной практики, а из правового регулирования и заключается в положении о том, что исполнительная и постпенитенциарная пробация не могут применяться повторно (п. 56, 67 приказа № 350), при том что пенитенциарная – может (п. 26 (3)).

Непонятно, чем обусловлено это правило. На практике также возникает вопрос, действует ли оно относительно судимости, в рамках которой и возникло основание для пробации и прекращается при новых судимостях либо же оно абсолютно и универсально? Логичнее был бы первый вариант, поскольку трудная жизненная ситуация и нуждаемость могут возникнуть по причинам, никак не связанным с первоначальной. Однако преобладает толкование по второму варианту. В этом случае смысл такого ограничения не согласуется с целями и задачами пробации. Неясно также, почему сделано исключение для пенитенциарной пробации. Полагаем, что такое правило препятствует реализации превентивной функции пробации, противоречит ее основаниям и сущности. Необходимо устранить возможность инициативы отказа от пробации со стороны лица, в отношении которого она применяется, что исключит манипуляции с его стороны и шантаж в отношении сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.

Ряд проблем имеет прикладной характер, что не делает их менее актуальными. Так, практические работники сталкиваются со случаями, когда заявление о пробации делается не письменно, а по телефону. В этой связи они вынуждены оформлять этот звонок справкой-телефонограммой. Между тем это обстоятельство дает отдельным клиентам пробации возможность утверждать, что они не делали заявления либо их неправильно поняли. Это влечет отмену пробации, что, согласно рассмотренным ранее нормативным требованиям о статистической отчетности, является негативным показателем деятельности уголовно-исполнительной инспекции. Между тем и федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», и приказ № 350 однозначно предписывают считать основанием рассмотрения вопроса о пробации обращение с заявлением о ней. Более того, указанный приказ помимо заявления требует предъявления уведомления, выданного ему в учреждении, из которого он освобожден, содержащего информацию об адресе, абонентском номере инспекции и о должностных лицах, в обязанности которых входит оказание содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Разумеется, сделать это по телефону невозможно.

Думается, что прием телефонных заявлений о пробации свидетельствует о неверном понимании нормативных правил, регламентирующих формальные основания начала пробации.

У практических работников также вызывает вопросы трудоустройство лиц в рамках оказания им помощи. В частности, сотрудник инспекции при оказании такого содействия ставит лицо на учет в службу занятости. Оно же в дальнейшем трудоустраивается само. При этом формально пробация прекращается,

поскольку трудоустройство было осуществлено без помощи инспекции, то есть за рамками пробации.

В данном случае, как представляется, это пример излишнего формализма. Если осужденный, который нуждался в трудоустройстве и в этом заключалась его трудная жизненная ситуация, трудоустроен, то не имеет значения, как именно это произошло. Сотрудник уголовно-исполнительной инспекции выполнил свою функцию, он не виноват в том, что не именно его действия содействовали трудоустройству.

Наконец, серьезная проблема связана с деятельностью центров пробации. В настоящее время они открыты практически во всех регионах страны. Однако этот факт сам по себе не свидетельствует о том, что они выполняют свою социальную роль в духе тех концептуальных идей, которые заложены в федеральном законе. В настоящее время сложилась ситуация, когда общественные организации под вывеской центров пробации фактически создают модели трудовых домов, которые используют работу людей за минимальную плату или просто за еду и ночлег. При этом речь не идет только об осужденных. Пользуясь пробелами в законодательстве, они принимают к себе практически всех желающих. Более того, руководители таких центров прямо заявляют о том, что для них это условие не является принципиальным и даже, как думается, желательным, поскольку в таком случае их «клиенты» будут находиться на учете

уголовно-исполнительной инспекции. Прием в такие центры идет в обход оснований, предусмотренных ст. 27 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», приказами № 350 и № 278. Поэтому контроль за их деятельностью со стороны инспекций либо минимален, либо отсутствует полностью. Очевидно, что это противоречит целям и задачам пробации, более того – дискредитирует саму ее идею.

Полагаем, что в соответствующее законодательство необходимо внести изменения, устанавливающие единые основания и порядок приема в центры пробации и реальный механизм контроля за их деятельностью.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время пробация активно реализуется, создаются ее нормативная база, организационные и материальные основы. В ряде случаев она показывает неплохие результаты на индивидуальном уровне. Однако в целом, к сожалению, нельзя сделать оптимистичный прогноз о перспективах развития этой меры, в том числе ввиду того, что до конца нет понимания сущности и задачи пробации, вызывает сомнение состоятельность ее исключительно добровольной основы. Ряд проблем в этой сфере носит системный характер, очевидны противоречия и пробелы в правовом регулировании. Все сказанное требует продолжения исследований в этой сфере, в том числе с учетом зарубежного опыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дворянсков И. В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель) : учеб.-метод. пособие. М., 2005. 96 с.
2. Дворянсков И. В. Правовые основы исполнения наказаний, иных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер, не связанных с изоляцией от общества. М., 2023. 136 с.
3. Громов В. Г., Шошин С. В. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» и его реализация // Современное право. 2024. № 9. С. 139–145.
4. Громов В. Г., Аксенова Д. К. Пробация в Российской Федерации // Современное право. 2023. № 5. С. 101–104.
5. Бирюков И. И. Цели пробации в России: дефекты и противоречия // Право и политика. 2025. № 12. С. 14–21.
6. Малкова Л. Л. Отдельные концептуальные вопросы научно-теоретической модели пробации в Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 3 (71). С. 320–327.
7. Голодов П. В. Проблемы законодательного регулирования пробации в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 9–11.
8. Дворянсков И. В., Сергеева В. В., Баталин Д. Е. Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России: сравн.-правовое исслед. М., 2003. 90 с.
9. Дворянсков И. В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 179–186.
10. Иншаков С. М. Зарубежная криминология : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. М., 2003. 374 с.
11. Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 123–136.
12. Дугенец А. С., Тищенко Ю. Ю., Самойлова А. А. К вопросу о значении детерминации и причинности в преступности // Российский следователь. 2022. № 6. С. 45–48.
13. Кубов Р. Х. Глобализация как детерминанта качественных изменений организованной преступности // Российский следователь. 2009. № 1. С. 31–34.

REFERENCES

1. Dvoryanskov I.V. *Effektivnost' al'ternativnykh nakazanii (kompensatsionnaya model')*: ucheb.-metod. posobie [Effectiveness of alternative punishments (compensation model): study guide]. Moscow, 2005. 96 p.
2. Dvoryanskov I.V. *Pravovye osnovy ispolneniya nakazanii, inykh ugovovno-pravovykh i ugovovno-protsessual'nykh mer, ne svyazannykh s izolyatsiei ot obshchestva* [The legal basis for the execution of punishments, other criminal law and criminal procedural measures not related to isolation from society]. Moscow, 2023. 136 p.
3. Gromov V.G., Shoshin S.V. Federal law "On probation in the Russian Federation" and its implementation. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2024, no. 9, pp. 139–145. (In Russ.).
4. Gromov V.G., Aksenova D.K. Probation in the Russian Federation. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2023, no. 5, pp. 101–104. (In Russ.).

5. Biryukov I.I. Goals of probation in Russia: defects and contradictions. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2025, no. 12, pp. 14–21. (In Russ.).
6. Malkova L.L. On certain conceptual issues of the scientific and the theoretical model of probation in the Russian Federation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 3 (71), pp. 320–327. (In Russ.).
7. Golodov P.V. Problems of legal regulation of probation in the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2023, no. 7, pp. 9–11. (In Russ.).
8. Dvoryanskov I.V., Sergeeva V.V., Batalin D.E. *Primenenie al'ternativnykh vidov nakazaniya v Zapadnoi Evrope, SShA i Rossii: cravn.-pravovoe issled.* [The use of alternative forms of punishment in Western Medicine Europe, USA and Russia: comparative legal research]. Moscow, 2003. 90 p.
9. Dvoryanskov I.V. Postpenitentsiarnaya probatsiya: kontseptual'nye printsipy. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2024, vol. 18, no. 2 (66), pp. 179–186. (In Russ.).
10. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Foreign criminology: study guide]. Moscow, 2003. 374 p.
11. Antonchenko V.V. Crisis of criminal policy. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2023, no. 12, pp. 123–136. (In Russ.).
12. Dugenets A.S., Tishchenko Yu.Yu., SamoiloVA A.A. On the meaning of determination and causality in crime. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 6, pp. 45–48. (In Russ.).
13. Kubov R.Kh. Globalization as a determinant of qualitative changes in organized crime. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2009, no. 1, pp. 31–34. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, diw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>

Статья поступила 26.02.2026